

Василий Вонлярлярский

Абдаллах-Бен-Атаб

Алжир. 25 ноября 1846 года.

Утром рано вошли ко мне трое приятелей моих, с которыми сблизило меня море: мы познакомились на марсельском пароходе «Ville de Bordeaux». Один из них подал мне распечатанное письмо, в котором заключалось приглашение поохотиться в окрестностях города Мильяны (Miliانا); письмо писал капитан спаисов Вервье (Vervie), стоявший с эскадром своим в 12 милях от Алжира, в городке Блиде. На вопрос Евгения Дюпена (Du-Pin), желаю ли я участвовать в предполагаемой охоте, я соскочил с постели, оделся на скорую руку, закурил сигару, и час спустя, то есть в 9 часов, катились мы в алжирском дилижансе по прекрасному шоссе, извиающемуся по гористому берегу моря, между померанцевых рощ и красивых загородных дач, построенных в восточном вкусе. День был жарок и ясен. На каждом шагу новая картина представлялась взорам нашим: то длинный караван тянулся шагом – и смуглые лица арабов, куривших трубки, напоминали степь своим присутствием; то прекрасный тильбюри обгонял нас – и в нем улыбалось одно из тех личек, на которые невольно направляется лорнет в большой Парижской опере. Но вскоре дачи стали, редеть, море скрылось за холмами, и бесконечная долина *Метиджа* широко разостлалась пред нами, огражденная с запада синеватым хребтом малого Атласа. В 3 часа пополудни дилижанс наш остановился у гостиницы города Блиды, и первое лицо, нас встретившее, было лицо капитана Вервье.

Нахожу не излишним сказать несколько слов о моих спутниках; начинаю с Евгения Дюпена, молодого парижанина, путешествовавшего без всякой цели, милого, любезного и остроумного, как большая часть его соотечественников; господствующею страстью его было – растительное царство: прогуливаясь с ним, каждый из нас обязан был возвратиться с целым собранием сучьев, листьев, луковиц и проч. Всю эту дрянь укладывал он в ящик и возил за собою. Дюпену обязаны мы были знакомством с капитаном Вервье, настоящим типом офицеров спаисов, поседевших в степях Африки и не помнивших числа застреленных ими бедуинов. Капитан был мужчина лет 40, одаренный страшною силою; смуглое лицо его выражало то спокойствие, которое приобретает вечно беспокойною бивачною жизнью; выражался он коротко и ясно, улыбался редко, курил всегда, а в кофейник с коньяком часто забывал налить кофе. Вот вам капитан Вервье! В довершение всего Вервье был одним из любимцев известного генерала Негрие, который в продолжение командования своего Африканскою армиею сделался известным одною довольно оригинальною привычкою: пока генерал пил чай и курил сигару, перед его окнами вешали 10 арабов, и это делалось аккуратно каждый день. Третий спутник наш был 22-летний швейцарец, некто Франц-Вильгельм-Фридрих-Гольт-Денер, белый, как сливки, и румяный, как земляника. Он был здоров, молод, весел и глуп. Четвертый же, и последний, член общества нашего сэр Вильям Бур, британец в полном значении этого слова, заслуживавший внимание всем своим существом. Наружность его могла быть терпима только потому, что носил ее англичанин; все слова и поступки сэра согласовались с каждою чертою лица его, с обувью, с одеждою, с причесою, с образом ношения рук и даже с образом мыслей. Сэр Вильям Бур был не высок, но длинен, не тонок, но узок, не уродлив, но неуклюж, не стар, но подержан. Глаза его выражали какого-то роду совершенное отсутствие выражения, а говоря, он делал дурно, потому что говорил вздор. Сэр Вильям выехал из Плимута для того, чтобы присутствовать в Мадрите при бое быков и на праздниках, дававшихся по случаю свадьбы герцога Монпансье; но как попал сэр Вильям в Марсель, а не в Мадрид, этого он и сам объяснить не мог. Должно полагать, что сэр не нашел места на том пароходе, который отправился в Испанию, а нашел его на алжирском. Во время переезда через море слуга будил его в 10 часов утра – час завтрака; сэр Вильям с постели переходил к столу и ел за десятерых, пил все, что ни попадалось, и вслед за другими выходил на палубу. Он полез бы и на мачту, если б кто-нибудь сделал это в его присутствии. Мне случалось просиживать на палубе до утра и молча смотреть на море; сэр Вильям раз подсел ко мне и просидел молча до утра, смотря на море. Рассказы слушал он с большим вниманием и часто улыбался, но никогда, за исключением одного только раза, не вмешивался в общий разговор. В этот раз говорили об иезуитах; вдруг сэр Вильям улыбнулся и с выражением какого-то внутреннего удовольствия объявил, что он видел их вчера при заходе солнца, и что показывал их капитану парохода, и капитан сказал ему, что это они!

Все с удивлением посмотрели на сэра Вильяма, потом вокруг себя!.. То был третий день плавания. В ту же минуту, как нарочно, все общество собралось на палубе, и очень странным показалось нам невидимое присутствие иезуитов на пароходе. На вопрос, где именно видел он иезуитов, сэр Вильям указал пальцем назад по направлению Болеарских островов.

Оказалось по справкам, что сэр Вильям видел не иезуитов, но дельфинов; а как и почему принял он одно за другое, это осталось, как и прочее, неизъяснимо!

По прибытии в Алжир остановились мы в «Hôtel du Gouvernement», а за стеною расположился

почтеннейший сэр Вильям. С той минуты за столом нашим ставился лишний прибор, а для прогулок подводилась к крыльцу лишняя лошадь; и тем и другим пользовался верный сопутник наш – и странно было бы видеть нас без него и его без нас! Очень натурально, что экспедиция, предложенная капитаном, не могла сделаться без драгоценного сэра Вильяма.

В 4 часа пополудни, час спустя по приезде нашем в город Блиду, пообедав наскоро в гостинице, сели мы на коней и выехали в сопровождении трех арабов на дорогу, ведущую в Медею. План охоты, предложенный нам капитаном Вербье, был следующий: от Блиды до города Медеи предполагалось ехать верхом, потому что дорог там не было; пространство это заключало в себе 8 миль. От Медеи, по направлению Мильяны, отлогости гор, покрытых частым лесом, изобилуют множеством крупной дичи. Проехав первые две мили по гладкой долине и оставив вправо соляное озеро, окруженное топкими болотами, мы круто повернули влево и въехали в ущелье гор, которое называют проходом Шиффы (Gorge de la Chiffe).

От постоянных сильных дождей река Шиффа, протекающая чрез горы Атласа, разлилась и произвела то страшное наводнение, о котором так много говорили в 1846 году парижские и алжирские журналы. Дорога, пролегающая большею частию по скалам и утесам между Блидою и Медею, была в несколько часов совершенно уничтожена водою. Целые горы обрушились в бездну, каменные гостиницы и малые селения исчезли с лица земли, и мутный поток Шиффы прорезал себе новый путь, то суживаясь и извиваясь змеею по узким и темным ущельям, то вдруг широко разливаясь по тучным долинам, унося за собою исполинские пальмы и рощи кипарисных деревьев.

Малый отряд наш вытянулся в одну линию; во главе колонны ехал сэр Вильям с длинным ружьем за плечами. Путь становился час от часу опаснее, тропинка местами суживалась до того, что арабские кони наши не шли, но цеплялись за скалы, висая над бездною Шиффы. Сердце мое переставало биться, когда, подымаясь в гору, конь мой скользил и падал на колена. Нередко из-под конских ног град камней с грохотом катился в поток, и испуганное стадо обезьян быстро спешило скрыться, перескакивая с утеса на утес и скаля зубы. Нередко над головами нашими горный орел, величины необычайной, взвизывался и медленно плыл по воздуху, бросая на нас черную тень.

«Скажите, капитан, – спросил я, – на этом пути существует ли какого-нибудь рода опасность для путешественников?» – «И очень! – отвечал капитан серьезно, – не проходит месяца, чтобы журналы наши не говорили о нескольких жертвах, погибших именно на этом месте; а с тех пор, как дорогу размыва вода, опасность еще увеличилась!» Швейцарец снял с плеча свое ружье, осмотрел курки и, взведя их, положил отвесно на левую руку. «В хорошую погоду большого несчастья быть не может, – продолжал капитан, – но в сильный дождь земля и камень, висающие над тропинкою, часто отделяются и, падая, давят проезжающих». – «Но я спрашиваю про другого рода опасность, про нападение арабов». – «О нет! Об этой опасности давно не слыхать». Швейцарец спустил курки и снова повесил ружье свое за спину. День заметно склонялся к вечеру, был час шестой; когда мы проехали таким образом еще с полмили, тропинка наша вдруг взвилась, круто обогнула утес, спустилась по отлогости к самой воде и затерялась в золотом песке, покрывающем правый берег Шиффы. Мы остановились, сошли с лошадей; арабы развели огонек, и вскоре походный кофейник капитана зашипел и задымился, а сам он занялся рассыпкою кофейного порошка и мелкого сахара по стаканам нашим. Когда все общество уселось чинно в кружок, разговор сделался общим. Всякой поочередно успел рассказать что-нибудь про свой край, все единогласно удивлялись, как можно жить в вечных снегах России, где дядя капитана отморозил нос, отец оставил кости, а император французов целую армию (а я подумал: «При случае и для другой место будет»), и таким образом, переходя от одного предмета к другому, мы не заметили, как солнце село, а до Медеи оставалось еще 5 миль с половиною, и в том числе самая дурная часть ущелья. «На коней, господа!» – сказал капитан, вставая, и снова караван наш тронулся в путь и въехал в ущелье. Мы ехали молча. Тропинка часто терялась, горы сдвигались, ручей становился сердитее; во многих местах кони наши останавливались, как бы высматривая местность, и снова подавались вперед, недоверчиво передвигая ноги. На всем протяжении пути недавний разлив Шиффы оставил страшные следы; суженный берегами поток вырвал по сторонам необъятные массы земли и образовал пещеры; всякая попытка восстановить хотя малейшее сообщение оставалась без успеха. «Долго ли ехать нам этим адским ущельем?» – спросил я капитана. «Еще с полчаса», – отвечал он. «Ну, какова дорожка? – спросил капитан, смеясь, – вот в каком виде были они все во время первых экспедиций наших! прибавьте пули, голод, 60 градусов жару, африканскую лихорадку и прочие немощи, и вы получите довольно точное понятие о той цене, которою купили мы здешние владения наши». Капитан внутренне гордился своими подвигами, а я улынулся. Отдавая в полной мере всю должную справедливость храбрости и мужеству французско-африканской армии, не могу, однако ж, не смеяться от всей души, когда премилый, но препустой француз пресерьезно толкует в парижской кофейной о золотых колониях своих в Алжире, существующих – увы! – только в

одном пылком воображении завоевателей. В доказательство справедливости слов моих постараюсь вкратце изложить то, что нашел я в французско-африканских владениях, и именно в тех местах, которые, по их же словам, составляют главное поприще действий. Кому неизвестны жертвы, принесенные Францией) в течение 15-летней борьбы с Африкою? Войско, состоявшее в 1835 году из 25 000, увеличилось в 1846 году до 91 000 человек. Третью его погибла от болезней. Правительственные расходы в Африке, доходившие до ста и более миллионов франков в год, равно частные, неисчислимые капиталы принесли следующий результат: частный кредит не существует, и все стены алжирских домов заклеены объявлениями о банкротствах; займы делаются по 60 % на 100 или, лучше сказать, не делаются вовсе. Земли в окрестностях Алжира, Орана и Константины, приобретенные с такою жадностью французами и за высокую цену, получили три назначения: 1) 1/10 часть всей приобретенной земли досталась в удел иностранцам, прибывшим со всех концов мира; руками их она разработалась, покрылась чем-то похожим на фермы, но далеко не удовлетворяет ожиданий колонистов. Причина медленности в успехе колоний состоит в дороговизне всего, в недостатке рук, в неимении скота и лошадей. За перевоз человека из Марселя в Алжир платят 45 и 100 франков, за корову 45, за лошадь 100 франков. Рабочему человеку платят в сутки 5 франков. 2) Другая десятая часть земли, раздробленная на мелкие участки, распродана богатым людям, украсившим их загородными домами, померанцевыми деревьями и множеством цветов. Эта земля окружает главные города и, не принося доходов, служит для владельцев забавою. 3) 8/10 ч. всего пространства приобретена спекуляторами, имевшими одну цель: перепродать ее со временем с барышом. Вся земля эта не обработана и покрыта густою травой и местами - кустарником. Недавно еще правительство новым законом вменило в неприменную обязанность владельцам разработать эту землю в положенный срок, угрожая в противном случае лишить их права на владение. За законом последовало понижение цен на земли, но покупателей не оказалось. Но что же делают французы и войско в Африке? что делают туземцы? Французы и войско целый день шатаются по площадям, улицам и кофейням, играют в кости и карты, не соблюдая ни малейшей дисциплины. Солдаты изредка делают прогулку в горы, колют и вешают бедуинов и возвращаются по домам, а туземцы, испуганные варварским обращением победителей, прячутся в горах, крадут иногда что попадет под руку, а если представится случай прирезать француза, то прирежут, и кочуя с одного места на другое, выжидают времен более благоприятных... В каком положении торггорля? Алжирская гавань вмещает постоянно 7 купеческих кораблей, приходящих поочередно с апельсинами, кофеем, винами и разными пряностями. Но что же выменивает африканская Франция на деньги Европы? ровно ничего, и иностранные корабли возвращаются домой без обратного груза.

Возвращаюсь к своему рассказу. Тихо подвигались мы вперед, вдруг послышался конской топот. Во всякое другое время топот скачущего коня не обратил бы на себя никакого внимания; но в ту минуту, когда мы, со всевозможною осторожностью, с трудом, пробирались в полумраке по скользкой и неровной тропинке, шум скачущего во всю прыть всадника озадачил не только нас, но и туземных проводников наших. Из-за угла позади нас показалось белое пятно; оно мгновенно выросло, и чрез несколько секунд мимо нас с быстротою мысли промчался араб. Капюшон белого бурнуса его был наброшен на лицо; остальная одежда, того же цвета, составляла нечто целое с белым, как снег, конем его. В тот же миг каштановая собака капитана, спокойно сидевшая в одной из плоских корзин, привешенных к седлам провожатых наших, высунула голову и завывала протяжно, порываясь выскочить. «Что бы это значило? - воскликнул капитан, смотря вслед всаднику. - Надобно быть дьяволом, чтобы скакать над этою пропастью и не сломить себе шеи». И действительно, не успели мы сделать нескольких шагов, как лошадь сэра Вильяма вдруг остановилась и, подняв уши, начала фыркать; в полушаге пред ним тропинка исчезла совершенно - и оставалось выбрать между отвесною скалою, грозно поднимавшеюся справа, или броситься с 700-футовой высоты в Шиффу, омывавшую левую сторону тропинки. Всякая мыслящая тварь призадумалась бы, по крайней мере в подобном случае, но сэр Вильям почел эту меру совершенно излишнею и полез на утес. Почуя острые шпоры, конь его взвился, как свеча, помахал передними ногами в воздухе и медленно стал падать на сторону. Минута была ужасна. Мы мысленно прощались с верным спутником нашим; но по какому-то непостижимому случаю сэр Вильям удержался над пропастью, а бедный конь его стремглав полетел в бездну, которая, расступившись, приняла жертву, и потом все утихло!.. Мы соскочили с лошадей, подняли сэра Вильяма, он отделался легким ушибом и встал, приятно улыбаясь. Подвигаться вперед не было никакой возможности, и мы пешком пошли в обратный путь. Вскоре новый шум послышался невдалеке; на этот раз не топот скачущего коня поразил слух наш, но стук копыт нескольких лошадей, шедших шагом; то была партия африканских егерей под командою унтер-офицера.

Велика была досада капитана Вerveе, когда он узнал от егерей, что фантастический всадник наш был не кто другой, как Абдаллах-Бен-Атаб, избегнувший и на этот раз неумолимого преследования французов.

«Так вот почему завyla собака моя, – кричал он во все горло, – и этого мошенника я мог бы схватить рукою, так близко был он от меня!» Но делать было нечего; всадника не стало. Всем нам крайне хотелось знать, кто был Абдаллах. Пока егеря искали обхода, капитан хотя пристрастно, но рассказал нам историю Абдаллаха, которую и не замедлю изложить со всеми подробностями; собака же не могла не узнать ни беглеца, ни верного коня его, потому что когда-то принадлежала Абдаллаху.

Через полчаса мы выбрались на хорошую дорогу и час спустя начали подниматься на бесконечную гору, на которой красуется нелепо построенный город Медея.

Город Медея сохранил еще свой первобытный вид, и, за исключением одной небольшой площади, застроенной двухэтажными домами европейской постройки, остальная часть его носит разительную печать африканских городов. Узкие до крайности и грязные улицы разделяют низкие и кривые дома без крыш. В подвалах, мрачных, как тюрьма, при свете ночника сидят, поджав ноги, арабы и в молчании курят из длинных трубок. В день приезда нашего был праздник, и во многих местах между сидевшими и курившими двигались какие-то фигуры, переваливаясь с одной голы ноги на другую; это значило, что туземцы танцевали при звуках литавр и медных кастаньет; все это вместе производило самое неприятное впечатление. Выбирать было не из чего и надлежало довольствоваться грязною гостиницей, жесткою сальною постелью и скверным ужином. Я с Дюпенем поместился в одной комнате, обращенной окнами в сад. В полночь товарищ мой с криком соскочил с постели, уверяя, что что-то шевелится под ним. Мы зажгли свечу и позвали одного из трактирных слуг; между простыней и одеялом оказалось прежирное животное, которое просто называется скорпионом. Слуга объявил нам, что они наползают из сада и что это дело очень обыкновенное в Медее. Он схватил его чем-то за спину и вынес вон, а мы провели всю остальную часть ночи не ложась, что также должно быть делом очень обыкновенным в гостинице города Медея.

На следующее утро в 7 часов общество наше, увеличенное тремя офицерами из спаисов и несколькими волонтерами, отправилось в путь по направлению от Мильяны к трибуне Хаджи, откуда должна была начаться охота.

Отъехав две мили, присоединились мы к ожидавшему нас отряду арабов, предводительствуемых каидом, который, получив приказание капитана, вытянул арабов своих в одну линию и повел их к месту, капитаном же показанному. Пред нами живописно расстилалась долина Аррах, сомкнутая со всех сторон невысокими холмами, покрытыми частым кустарником. Арабы въехали на первый холм и остановились, соблюдая между собою равные интервалы, а мы приняв вправо и в таком же порядке заняли места у самой подошвы; вправо от нас была долина, влево – холмы и кустарник. Капитан подал знак к началу, и в тот же миг арабы с диким криком бросились в кусты. Слушая этот неистовый крик, которого, не слышав, представить себе невозможно, я почувствовал какую-то боль в сердце. Дыханье занималось, глаза искали тигра, но увы! пока одни черные куры пронеслись мимо нас, и хотя крик продолжался и мы подвигались вперед, но ни одно дикое животное не выбегало в долину. Но вот... сучья вдаль затрещали и стали раздвигаться. Капитан прилег на шею лошади; от его привычных глаз не скрылось странное, но правильное наклонение кустов. Невидимый враг тайком прокладывает дорожку, впереди перед ним перемычка, и горы и рвы, но вправо от перемычки капитан. Ружье его приподнялось, курок два раза щелкнул, приклад поднесен к смуглой щеке, дуло следит за движением кустов; на этот раз сердце мое перестало биться. Все остановили коней. Сэр Вильям сполз с седла на землю, привязал наскоро лошадь и побежал вправо; он миновал капитана, но с каким намерением – неизвестно. Но вот у самой опушки густой куст медленно двоился, сучья затрещали, и все утихло на миг... В то же время один за другим раздались два выстрела, и кабан с перебитой ногой ринулся в горы. Капитан чуть не бросил ружье, ему казалось, что трех кабаньих ног было слишком достаточно, чтобы унести 18 пудов свиного мяса далеко от него. Может быть, и кабан был того же мнения; но кому же придет в голову, что сэр Вильям все расчел наперед, все предвидел, – и вот, взгляните сами, как неподвижно стоит он с опущенным ружьем своим и как хладнокровно смотрит в кровавые глаза чудовища, бегущего к нему в прямом, в совершенно прямом направлении. Еще 20 шагов, и сэр Вильям отскочит в сторону, ежели не захочет нанизать себя на белые, футовые клыки кабана. Остается только 10 шагов, только 5 – Выстрел! чудовище заревело и бросилось в сторону: оно вспахало землю клыком и полило ее кровью; другой выстрел, и оно, мертвое, ринулось через голову. Сэр Вильям опустил ружье, вынул два патрона и стал заряжать. Мы с рукоплесканиями подскочили к нему, поздравляли с победою, крича что-то в одно время, и та же вечно бессмысленная улыбка сэра была ответом на наши приветствия. Кабана взяли несколько арабов, взвалили на плеча и отнесли назад, а мы продолжали путь в прежнем порядке. В непродолжительном времени арабы напали на целое стадо диких свиней; долина значительно расширилась, свиньи рассыпались по густой и высокой траве, общий порядок нарушился, и все общество разделилось и рассеялось по всем направлениям. Сэр Вильям поразил нас новыми доказательствами своего искусства, убив на большом расстоянии и на

всем бегу двух свинок. Предаваясь вполне удовольствиям охоты, мы едва заметили, что в нескольких шагах от нас, а именно между военными, происходила какая-то тревога. Офицеры собрались в кружок; посреди их стоял капитан; он кричал, махал руками и бил собаку свою, потом поднимал ее на воздух, передавал офицерам, которые в свою очередь делали то же. Когда же к этому кружку подскакал один из егерей, востреченных нами накануне, в один миг вся охота приняла новый вид и совершенно другой характер. Капитан ревел во все горло: «Он здесь, он здесь!» – «Что все это значит?» – спросил я у одного из офицеров. Между тем приказания отдавались, арабов собирали, выстроивали во фронт, солдаты отвязывали ружья от седел; одним словом, все приготавливалось к чему-то чрезвычайному!

«Вы, может быть, слышали, – отвечал офицер, – что в эту ночь капитан Вервье чуть не поймал своими руками Абдаллаха». – «Абдаллаха я видел, – отвечал я, – но что значит эта тревога?» – «В то самое время, – продолжал офицер, – когда этот господин (он показал на англичанина) убил кабана, капитанская собака исчезла; ее искали долго и безуспешно, наконец кое-как сам капитан вызвал ее на опушку и заметил, что морда, грудь и ноги у нее были в крови; мы сначала приписывали это обстоятельство дикобразу, которых очень много в здешних краях; но, по осмотре, никаких ран на собаке не оказалось. Сверх того, она была как-то грустна, едва передвигала ноги, визжала и все просилась в кусты». – «Но посмотрите, что там делается», – сказал подъехавший Дюпен; мы оглянулись. Арабы заезжали вперед, офицеры скакали по различным направлениям, капитан по-прежнему махал руками, кричал, командовал, гладил собаку; она, махая хвостом, вертелась, визжала около ног его, забегала вперед и вновь возвращалась. «Сегодня утром недалеко отсюда, – продолжал офицер, – егеря подметили беглеца и убили его лошадь, сам же он, раненный в плечо, успел скрыться. Прискакавший егерь уверяет, что Абдаллах бросился в ров и должен быть здесь недалеко. Надобно думать, – прибавил он, – что собака нашла его в кустах, а кровь на морде, груди и ногах, без всякого сомнения, принадлежит Абдаллаху».

Дело было слишком ясно; мы посмотрели друг на друга и, забросив ружья за плеча, последовали за офицером. Историю же несчастного Абдаллаха узнал я подробнее в Алжире от людей, более беспристрастных, чем капитан, и передаю вам ее.

В окрестностях Мильяны, близ трибуны Бу-Гайлан, находился и находится поныне телеграф Гонта. Близость телеграфа от трибуны сделала сношение жителей их тесными, и французы, обитавшие в колонии, обращались с арабами по всеобщепринятой в Африке системе, то есть покупали продукты их, может быть, несколько дешевле настоящих цен, дразнили детей, ругались над взрослыми и били стариков. Когда старшие приносили жалобы, арабы, как и всегда, со скотским терпением переносили побои, искоса поглядывали на образованных соседей, может быть, и желали бы в свою очередь отплатить оскорблением за оскорбление; но кому же не известно, что в подобном случае потребуют в Алжир и прикажут немедленно выдать зачинщика; а вздумает каид не исполнить требования, на следующий же день военная команда зарядит ружья, и от непослушной трибуны останутся трупы, – и суд кончен. Надлежало терпеть!

Одним праздничным днем из трибуны Бу-Гайлан арабы толпою шли на базар. Старики и молодые девушки, качаясь на верблюдах, везли в корзинах фрукты; несколько всадников провожали поезд, соблюдая порядок и следуя чинно, один за другим, по узкой каменистой тропинке. Навстречу к ним ехал на коне французский капрал Серве, он курил и свистал, надвинув молодецки набок фуражку. Но тропинка была узка, а верблюды без узд, и капралу надо было принять вправо или влево, капрал предпочел не уступать дороги, и первый верблюд остановился. Напрасно сидевший на нем старик толкал его в шею, верблюд не двигался. Серве гибким ременным хлыстом ударил старика по плечам; старик застонал, а сын его Абдаллах нахмурил брови. Кое-как столкнули арабы верблюда, но за первым стал и другой; на нем сидел не старик, но дочь его Зора, девушка лет 16-ти. Со страхом смотрела она на капрала; но тот же хлыст взвился и обвил ее смуглую шею. Абдаллах побледнел, на черных ресницах Зоры блеснула слеза.

«За что ты дерешься? – спросил Абдаллах у капрала. – Ты видишь, тропинка узка, а где ей справиться с верблюдом!» Удары и ругательства были ответом француза, а в довершение всего Серве одним движением руки сорвал покрывало с лица Зоры и плюнул ей в глаза. На следующий день потребовали на суд каида Джилали-Бен-Омара и Абдаллаха, и в присутствии капрала Серве первый получил 100, а второй 200 ударов по пятам. Удовлетворенный капрал возвратился к себе в Гонту и за вечерним столом со смехом рассказал пятерым товарищам свое забавное происшествие. То было 14 марта 1846 года, а на следующее утро там же поднято было 6 обезображенных трупов. Герой этой драмы Серве найден был в кустах с разрубленным черепом. Убийцы были схвачены, посажены в алжирскую тюрьму; но Абдаллах бежал с двумя малолетними детьми и успел скрыться. В продолжение бегства хранила их верная каштановая собака, которая, как бы предчувствуя и понимая опасность, два раза

обманывала и отводила преследователей, и два раза Абдаллах успевал прятать детей своих в колючие кусты алоэ и спасаться ползком. Но в третий собаку подстрелили и привезли к капитану Вervee.

Понятно ли теперь, отчего нам стало грустно, когда ободренная собака Абдаллаха, повертя хвостом и подняв голову, стала спускаться в ров. Арабы заезжали вперед. Капитан следовал за собакою, улыбаясь и приговаривая: «Он тут, он непременно тут, – собака чует его».

Увы! капитан не ошибся, и верный дотоле друг Абдаллаха вел прямо к нему, нашел его, завертелся и запрыгал от радости. Два спаиса сошли с лошадей, взвели курки ружей и спустились в ров. Две минуты спустя капитан, приподнимаясь на стременах, громко спросил у спаисов: «Тут ли?» – «Тут», – отвечали они, и ту же собаку надобно было застрелить, чтобы взять первого ее хозяина. Абдаллах отдался молча и без сопротивления; лицо его было бледно и сурово; белый изорванный бурнус во многих местах был запачкан кровью. Ему завязали руки за спину; на шею набросили петлю и за конвоем отправили в Алжир. Капитан торжествовал!.. Что сделалось с двумя малолетними детьми Абдаллаха – неизвестно.

5-го числа, то есть два дня спустя, в 8 часов утра, у крепостцы Бабельуэт в Алжире на площадке, прилегающей к морю, толпился народ и жандармы красовались на разношерстных конях своих. Причиной стечения народа был военный праздник, часто повторяемый великодушными победителями Африки, к большому удовольствию жителей Алжира!

Сон мой был прерван барабанным боем и маршем из «Семирамиды», разыгрываемым довольно удачно музыкою 23-го Африканского егерского полка. Я выглянул из окна моей квартиры и увидел четырех арабов, окруженных штыками, и в одном из них узнал Абдаллаха. Не трудно было догадаться, что Абдаллах шел на казнь, а марш из «Семирамиды» был его похоронным маршем. Одевшись наскоро, я последовал за Абдаллахом и его несчастными товарищами. Ровно в восемь часов четырем арабам, поставленным уже вдоль наружной стены крепостцы Бабельуэт, один из членов военной комиссии прочел очень внятно их смертный приговор. Предусмотрительный чиновник прочел приговор на арабском языке для приговоренных и на французском для зрителей. Арабы слушали чтение со вниманием; смуглые лица их были суровы, ни одна черта не выражала ни страха, ни отчаяния. Когда чиновник окончил чтение, арабы обратились лицом на восток, скрестив на груди руки. По первому знаку командиров четырех взводов ружья медленно стали подниматься, по второму концы стволов как бы замерли, а по третьему раздался общий выстрел, и несчастных прикрыло густым облаком дыма. Дымная занавесь медленно взвилась, а четырех за минуту до того живых и здоровых людей заменили три окровавленных трупа и один без всяких пятен. Первые три боролись со смертью, простреленные десятком пуль, последний лежал неподвижно, обращенный лицом к земле, этот четвертый был Абдаллах. Он был жив и невредим, потому что успел упасть одною секундою раньше выстрела. Тысяча арабов, понимая, в чем дело, бросились к нему на помощь. Пользуясь дозволением маршала Бюжо предать тела несчастных товарищей земле, они вместе с тремя трупами взвалили на плеча и Абдаллаха, прикрыли всех четырех бурнусами и хотели бежать. Абдаллах мог быть спасен; но доктор Перси, врач полка Африканских егерей, был человек предусмотрительный. Он взглянул на Абдаллаха, шепнул слова два жандарму, случайно находившемуся близ него, и арабов остановили. Абдаллах встал на ноги, улыбнулся и пошел назад в сопровождении врача и всех французов, присутствовавших при казни; их было до тридцати тысяч. Врач торжествовал, офицеры смеялись, толпа хохотала, а военная комиссия приговорила Абдаллаха ко вторичной казни. Его поставили на прежнее место, жандармы отодвинули массу народа назад, и представление началось снова.

«Кто же застрелит Абдаллаха?» – спросил полковник Н. у коменданта крепости. Комендант обратился с тем же вопросом к офицерам; офицеры вызвали капралов, капралы пошли по фронту, ходили долго; но желающих не оказалось.

Я готов был расцеловать весь фронт.

«Nous ne sommes pas des bourgeois, caporal, – отвечали солдаты. Абдаллах слышал все и улыбался. Комендант также слышал все – и лоб его покрылся морщинами. Толпа захопала в ладоши. «Спасен!» – подумал я, подумали многие, быть может, подумал и Абдаллах; но один капрал схватил младшего из егерей, силою притащил его к жертве и заставил выстрелить. Пуля прошла через грудь Абдаллаха несколько выше сердца; он упал на колени и заревел так ужасно, что егерь бросил ружье и бежал за фронт. Абдаллах встал и бросился на капрала, вцепился ему в лицо руками; кровь у Абдаллаха билась двумя фонтанами, глаза его вертелись, он страдал невыразимо. Два жандарма соскочили с коней, освободили капрала и схватили несчастного за руки; один из них вынул саблю, приставил к ране, налег на эфес, и конец лезвия вышел в спину... Толпа не хлопала в ладоши, но молча разошлась.

Вот как было дело, а вот что напечатано было на другой день в алжирском журнале «L'Akhbar»:

«Ужаснейшая драма, имевшая театром телеграф Гонта с 14 на 15 марта 1846 года, наконец разыгралась. Именованные: Магомет-Бей-Джевул – брат Аги Сиколаи, житель трибуны Бу-Гайлан близ Мильяны, Джилали-Бен-Омар каид той же трибуны, Абдель-Кадер-Атаб и Абдаллах-Бен-Атаб – брат сего последнего – получили 5 сего Декабря 1846 года в 8 часов утра на площади Бабельуэт заслуженную ими казнь за убийство 6-ти европейцев, в том числе одной женщины и двух малолетних детей. Четыре эти преступника были казнены вследствие приговора военного суда, заседавшего в Алжире 19 августа 1846 года, в присутствии бесчисленного стечения народа, привлеченного торжественностию военной экзекуции. Они с твердостью шли до места казни, и, по выслушании смертного приговора, четыре пикета солдат, выбранных из различных частей Алжирской дивизии, по немому знаку командующих ими офицеров, произвели по ним огонь – и они упали мертвые. Но так как раны Абдаллаха, не совершенно смертельные, оставили телу его судорожное движение и как замечено было, что он еще дышит, то пристрелили его немедленно и положили тем конец его страданиям. Замечательно, что этот самый Абдаллах во время страшного убийства в ночь с 14 на 15 марта преследовал несчастного капрала Серве, успевшего скрыться, и, догнав в кустах, хладнокровно разрубил ему топором голову».

Статья сия заключалась следующим приговором того же суда: «Ахмет-Бен-Атаб – брат кади, Бен-Амур-Бен-Абдель-Кадер – сын кади, Абдель Кедр-Бель-Гаде – брат каида и Зора-Бу-Мудзен – сестра кади были равно приговорены к смерти; но вследствие королевской воли, объявленной 8 ноября 1846 года, приговор этот заменен вечною каторжною работою с предварительною выставкою у позорного столба, за исключением, однако ж, Зоры, которая от этого последнего и постыдного наказания избавлена».

Полностью рассказ впервые напечатан в альманахе «Раут на 1852 год. Исторический и литературный сборник. В пользу учебного заведения для благородных девиц ведомства дамского попечительства о бедных в Москве» (М., 1852). До этого значительная часть произведения была опубликована в «Отечественных записках» (1850, № 6, отд. 8 «Смесь», с. 149-156) под заглавием «Охота в окрестностях Мильяны (Из путевых записок В. А. Вского)».

Критика не обратила на рассказ особого внимания (см. лишь краткие упоминания в «Отечественных записках», 1852, № 4, отд. 6, с. 70, и «Москвитяине», 1852, № 9, отд. 5, с. 27). Между тем он несомненно представляет интерес по своей последовательной антиколониальной направленности.

С. 345. *Мильяна* (Миляна) – город в северной (прибрежной) части Алжира.

Спаисы (spahis; в русском языке более употребительна форма; спаги) – кавалеристы французской армии в Алжире, набравшие преимущественно из местного населения при небольшом участии европейцев.

Атлас – горная система на северо-западе Африки.

С. 346. *Негриве* Франсуа Мари Казимир (1788–1848) – французский генерал; в 1842 году отстранен от командования войсками Константинской области (Алжир) вследствие общественного скандала, вызванного его зверствами.

...по случаю свадьбы герцога Монпансье... – Свадьба Антуана Мари Филиппа Луи Орлеанского герцога Монпансье и испанской инфанты Луизы Фернанды состоялась в Мадриде 10 сентября 1846 года.

С. 349. *60 градусов жару...* – В рукописи, после некоторых колебаний, поставлено «40 градусов», что, по-видимому, ближе к истине – ср. сведения, сообщаемые справочником «Алжир» (М. 1977, с. 9): «Абсолютные максимальные температуры всюду высоки и почти повсеместно достигают 40° и более, а в долине р. Шелифф даже выше 50°».

...в течение 15-летней борьбы с Африкою... – Захват Алжира Францией начался в 1830 году.

С. 351. *Бурнус* – длинный плащ с капюшоном.

С. 352. *Трибуна* – здесь: селение, деревня (от франц. tribu – племя, клан).

С. 354. *Каид* – начальник, вождь.

С. 356. *Телеграф* – здесь: укрепленный пункт, используемый для связи посредством оптических сигналов.

С. 358. *Сон мой был прерван барабанным боем...* – В рукописи дальнейшие события изложены несколько иным способом. «Довольствуюсь, – пишет В. А. Вонлярлярский, – перевести статью французского журнала „Акбара“, описывающего представление, даваемое в тот день у стен крепостцы Бабель-уэт. Вот слово в слово перевод статьи». Следует перевод (в печатной редакции цитирование одних его мест сопровождается беллетризированным пересказом других). По окончании перевода (оно совпадает с окончанием печатной редакции «Абдаллаха-Бен-Атаба») находилась фраза, заключающая рукописный вариант рассказа: «Журнал сей в оригинале храню у себя!» (ГАСО, ф. 1313, оп. 2, ед. хр. 6, л. 25-26об.).

«*Семирамида*» – опера Дж. Россини (поставлена в 1823 году).

...23 Африканского егерского полка... – Полки африканских егерей комплектовались исключительно из французов.

Бюжо Тома Робер, маркиз де ла Пиконнери (1784–1849) – французский военачальник, генерал-губернатор Алжира (1841–1847).

С. 359. «*L'Akhbar*» – см. прим. к с. 339.

С. 360. *Кади* – мусульманский судья.

Примечания

1

Дословно: «Город Бордо» (фр.).

2

Мы не палачи, капрал (фр.).